

Разве семья Чжэн сейчас была из тех, с кем они могли бы сравниться? И что это за рассказы о «взаимной склонности»? Отец Хэ не был слеп и прекрасно видел, что Чжэн Цинъюнь не питал к Хэ Тяню ни малейшего интереса.

К тому же, разве его сын был таким уж завидным женихом? Чтобы младший сын Чжэнов ради него отказался от возможности войти в семью чиновника и выбрал простого деревенского парня? Староста Хэ был вне себя от ярости. Ткнув пальцем прямо в лицо Хэ Тяню, он разразился ругательствами:

— Ах ты, мерзавец! Я-то думал, ты в лучшем случае метишь в жёны кого-то из города, но у тебя и впрямь кишка не тонка — нацелился на Цинъюнь! Ты хоть на миг задумывался, что если ты и заглядываешься на Чжэнов, то станут ли они смотреть на тебя?!

Если бы Хэ Тянь не признался сам, отец и не догадался бы, какие мысли тот таит в душе. Старика прошиб холодный пот. Кем он был? Всего лишь старостой деревни Цинсян. Перед лицом уездного начальника он — пустое место, даже чина не имеет. Его семья далеко не из богатых, так как же они посмели тянуться к столь высокой ветви?

Раньше Чжэны жили бедно, но стоило Чжэн Шаньцы стать сюэем, как всё изменилось. Если юноша продолжит в том же духе, он рано или поздно накличет на дом беду.

— Батя, ты слишком осторожничаешь, — возразил Хэ Тянь. — Мы в одной деревне выросли, чувства у нас всё же есть, так почему нам не быть вместе? Более того, мы сыграем свадьбу прямо здесь, и когда Чжэн Шаньцы узнает об этом, Цинъюнь уже будет моим супругом!

Стоило ему жениться, и этот гэ'эр был бы связан с ним навсегда.

Видя, как сын жаждет нажиться на чужой удаче, старик схватил стоявшую во дворе метлу и принялся охаживать его:

— Никогда бы не подумал, что ты такой подлец! Ты что, считаешь Чжэнов дураками? Твои помыслы видны мне как на ладони, что уж говорить об остальных!

Услышав болезненные вопли сына, из кухни выбежала тётушка Хэ. Увидев, как муж бьёт Хэ Тяня, она вспыхнула от гнева и принялась браниться:

— Ты что, белены объелся, на собственного сына руку поднимать?!

Во дворе Хэ стало шумно и тесно.

Отец Хэ не унимался, желая проучить сына так, чтобы тот и думать забыл о своих притязаниях. Остановленный женой, он отшвырнул метлу и холодно бросил:

— Человеку надобно знать своё место. Ты ведь книжник, так не бросай же собственное лицо в грязь, чтобы другие по нему топтались.

Сыновья чиновников из города мечтают породниться с семьёй Чжэн — и вовсе не из-за них самих, а из-за того, кто стоит за их спиной. Богачи из округа несут драгоценные дары, но Чжэны всем отказывают.

Лицо старика горело от стыда при одной мысли о том, чтобы пойти к соседям со сватовством. Это было бы чистым безумием, а слава приспособленца легла бы на него несмываемым пятном. Он не мог так опозориться.

Бросив последнее слово, он ушёл.

Хэ Тянь, хоть и получил нагоняй от отца, не принял его слова близко к сердцу. Он был слишком уверен в том, что сможет подчинить себе Чжэн Циньиня.

Тётушка Хэ тоже поняла, что сын чем-то сильно прогневил мужа.

— Сынок, за что это он тебя так?

— Я просил отца заслать сватов, а он ни в какую.

Мать тут же возмутилась:

— Как так? Мы давно копим тебе на свадьбу! Чем ему не угодила твоя просьба? Неужто статус старосты в голову ударил? Ты погоди, я сама с ним потолкую. Счастье ребёнка ему нипочём, заладил тоже: «знать своё место». Разве это добрые слова?

— Я хотел, чтобы он пошёл к Чжэнам просить руки Циньиня, — пояснил Хэ Тянь.

Гнев на лице тётушки Хэ мгновенно застыл.

— ...Знаешь, я думаю, твой отец прав.

Никто и представить не мог, что Чжэн Циньинь выйдет за кого-то из деревни Цинсян. Она знала достаток своего дома и понимала: у её сына нет даже учёного звания. Откуда только взялись такие дерзкие мечты?

Чжэны и не подозревали о буре, бушевавшей в соседнем доме.

Жатва закончилась, и в этом году они не планировали искать подработок в городе, решив немного передохнуть. Чжэн Шаньчэн, помня, что не будет дома зимой, ещё до рассвета уходил в горы собирать и рубить дрова. Он хотел заготовить побольше охапок, чтобы отцу и папе хватило на все холода.

Фулан Чжэн и Лин-гэ'эр прибирались у печи. Папа принялся рубить мясо, приговаривая:

— Приготовлю вам лепёшек в дорогу, да и вяленого мяса возьмите. Путь в Синьфэн неблизкий, нужно питаться получше.

Лин-гэ'эр поспешно отозвался:

— Папа, вы слишком добры к нам. Не нужно столько мяса, мы пару дней поедем своё, а потом всё равно придётся покупать еду по пути.

— Твоя правда, много брать нельзя — испортится, — фулан Чжэн продолжал стучать ножом по доске.

Циньинь притащил маленькую скамеечку и, устроившись в углу, принялся мыть овощи. Глядя на него, папа улыбнулся:

— Гляжу на Циньиня, и кажется мне, будто он всё ещё ребёнок. А ведь раньше каким сорванцом был! Постоянно за Шаньчэном в лес бегал, дикие ягоды собирал. Всегда был таким заботливым: набереёт полную горсть и несёт нам, да так крепко сожмёт в кулачке, что они в кашу превращались.

Он на миг замолчал, и в его взгляде промелькнула печаль:

— Мы не ели их, а он только обиженно опускал голову и слизывал сладкий сок с ладошки. Не знаю даже, когда Циньинь стал таким тихим... С людьми не знается, молчит всё время. Если поездка в Синьфэн поможет ему хоть немного развеяться, на сердце у меня станет спокойнее.

Лин-гэ'эр тоже всем сердцем любил младшего брата мужа.

— Не тревожьтесь, папа. В Синьфэне ему обязательно станет лучше. Будет жить в достатке, хорошо кушать, вот и нрав его снова станет открытым.

Фулан Чжэн лишь ласково усмехнулся.

Циньинь сложил чистые овощи на разделочную доску. Шпильку, которую подарили ему брат и невестка, он сейчас не носил — боялся испортить. Решил, что наденет её, когда соберутся в путь.

Синьфэн.

Жизнь Чжэн Шаньцы текла своим чередом. Задаток каравану был выплачен, оставалось дожждаться весны, когда купцы вернутся. Тогда управа разошлёт указы старостам четырёх крупных городов, чтобы те наставили сельчан на путь истинный и помогли засеять поля новыми культурами.

В первый же день работы трактир семьи Чжэн ломился от гостей. Большинство из них приманил соблазнительный аромат жареных колбасок у входа. Купив пару штук, люди уже не могли пройти мимо и заходили внутрь пообедать. Такой успех стал для всех приятной неожиданностью.

Цзинь Чжан, проработав несколько дней, понял, что рук не хватает, и нанял двоих помощников. Все они подписали строгий договор: за разглашение рецептов полагалась тюрьма и суд.

В трактире было и вкусно, и недорого. Книжники часто приглашали друг друга сюда отобедать — и лицо не теряли, и кошелёк не пустел.

Заведение занимало два этажа: внизу располагался общий зал, а наверху — уютные отдельные кабинеты. Не всем нравилось сидеть у всех на виду; многие предпочитали уединение, чтобы спокойно поговорить с друзьями.

— Идём в трактир Чжэнов! — частенько перекликались студенты. Иногда они позволяли себе полакомиться, скидываясь на общий стол — так выходило куда дешевле. Экономия была важна, а в компании можно было заказать побольше разных блюд.

Торговцы и управляющие богатых домов тоже полюбили это место. Деньги у них водились, и они с радостью баловали себя вкусной едой. Простые же люди заглядывали нечасто — обычно они перехватывали лепёшку у лотка или обходились миской простой лапши. Только по случаю большого семейного праздника они, сияя от гордости, вели родных в настоящий трактир.

Чем дальше Шаньцы жил в Синьфэне, тем яснее видел, в чём уезд нуждается больше всего. Песчаные земли здесь считались проклятием, но их можно было превратить в благословение.

Когда караваны проходили через эти земли, они за бесценок скупали лекарственные травы, выращенные в песках. В других городах их перепродавали втридорога, получая сотни лянов чистой прибыли.

Некоторые травы растут только на такой почве, но уход за ними — труд кропотливый. Купцы безжалостно сбивали цены, и крестьяне, не видя выгоды, не спешили отдавать свои поля под лекарственные растения.

Караваны уходили, нагруженные доверху.

Продукты для трактира покупали на рассвете у проверенных людей. Дел было невпроворот, но возможность заработать радовала каждого.

Шаньцы задумал открыть мастерскую острого соуса и маслбойню. На этот раз он не хотел делать это от своего имени — план был основать их при управе. Казна уезда пополнялась в основном за счёт налогов: поземельного, торгового, таможенного, а также арендной платы за землю. Чиновники с рангами получали жалованье от двора, а вот мелким служащим и стражникам платили из средств управы. Денег было в обрез, и выплаты были скудными.

Именно поэтому слуги управы частенько притесняли народ, стараясь выжать из него хоть какую-то прибыль для себя.

Если открыть мастерские от имени управы, то и расходы лягут на казну, и доходы пойдут туда же. А когда слава о товарах разнесётся повсюду и купцы увидят выгоду, они сами кинутся открывать подобные заведения.

— Ван Фу, позови ко мне помощника Ци, регистратора Цзяна и дяньши Чжу.

— Будет исполнено, господин.

Трое подчинённых явились и поклонились начальнику. Шаньцы изложил им свои мысли.

Дяньши Чжу первым воодушевился. В отличие от остальных, он не имел ранга, и его достаток напрямую зависел от доходов управы.

— Господин, если мы откроем эти мастерские, они станут постоянным источником дохода. С деньгами в казне мы сможем сделать для уезда куда больше.

Если Чжэн Шаньцы и впрямь сумеет наполнить казну и поделится прибылью с подчинёнными, то и стражники, и мелкие писцы будут ему преданы душой и телом. Люди всегда признают вожака в том, кто может обеспечить им достойную жизнь.

Помощник Ци, немного подумав, произнёс:

— Не скажут ли в народе, что власти отбирают хлеб у людей?

Он прожил в Синьфэне много лет и, будучи конфуцианцем старой закалки, превыше всего ценил доброе имя. Худая слава — плохой попутчик.

Регистратор Цзян, напротив, видел в этом только благо:

— Доходы пойдут в казну уезда, так какая же это корысть? То, что взято у народа, пойдёт на пользу народу.

Шаньцы усмехнулся:

— Что ж, решим большинством голосов.

Помощник Ци рассудил, что траты невелики, и не стал спорить. Если всё получится — они в выигрыше, а нет — так его вины в том не будет. На том и порешили.

Земля была в ведении управы, так что об аренде можно было не беспокоиться. Стали искать умелых мастеров для строительства. Чиновник решил, что в каждой мастерской будет работать по двадцать человек — штат небольшой, зато надёжный.

Он сам выбрал место для строительства и поручил дело канцелярии общественных работ. Вызвав управляющего, Шаньцы строго наказал:

— Материалы берите лучшие, и не забудьте про окна. Когда закончим, жители Синьфэна смогут найти там работу.

— Будет исполнено, господин Чжэн.

С этим делом на душе у него стало спокойнее. Работники канцелярии, которые раньше полгода могли сидеть без дела, на этот раз воодушевились не на шутку.

Обычно начальники уезда здесь только и делали, что ждали конца срока — кто перевода, кто повышения, и делами Синьфэна не интересовались. То, что господин Чжэн затеял такую стройку, было добрым знаком: чиновник пришёл работать.

С самого приезда Шаньцы показал себя с лучшей стороны: запретил стражникам обижать народ во время жатвы, затем пересмотрел старые дела. Теперь весь уезд знал, что новый начальник чтит законы и приличия. Синьфэну катастрофически не хватало средств, и весть о

новых мастерских была встречена с радостью.

Когда казна полна, и дела вершатся легче.

Перед самым уходом из управы Шаньцы встретил регистратора Цзяна.

— Господин Чжэн, не желаете ли отужинать, а после отправиться на рыбалку?

У чиновника давно чесались руки. Он кивнул:

— Вы тоже пойдёте?

Цзян просиял:

— Мы ведь договаривались помериться мастерством, вот и случай представился.

Они условились о времени встречи. Рек в Синьфэне было немного, да и те мелкие, но всё же рыба водилась. После ужина Шаньцы взял удочку, корзину для улова и надел плащ-ливи на случай дождя.

Юй Ланьи, увидев его в таком наряде, вспомнил их первую встречу в предместьях столицы. Он внимательно посмотрел на мужа:

— Собрался на рыбалку?

— Договорился с регистратором Цзяном.

Шаньцы предложил супругу пойти с ним, но тот не горел желанием сидеть на берегу пруда и отказался.

Когда стемнело, Шаньцы ушёл. Ланьи остался один. Растянувшись на постели, он вдруг почувствовал, какой огромной она стала — можно было перекатываться с боку на бок сколько душе угодно. От этой мысли на душе стало легко.

На берегу пруда Шаньцы и Цзян забросили крючки и замерли. Взгляд чиновника скользил по кромке воды; он заметил, что почва здесь плодородная — можно было бы что-нибудь посадить. Осознав, о чём думает, он невольно рассмеялся. Куда бы ни глянул — везде ему виделись поля.

Он с нетерпением ждал возвращения каравана, но понимал: поспешишь — людей насмешишь. Нужно действовать постепенно. Сначала мастерские, чтобы люди ещё больше поверили в него.

Кроме них двоих у пруда были и другие рыбаки. Когда ночь сгустилась, Шаньцы, не желая лишнего, засобирались домой с семью-восемью рыбёшками. Регистратор Цзян, который каждый день тренировался в этом искусстве, поймал лишь три штуки, но и тем был несказанно рад.

Оба вернулись с добычей.

С появлением денег в казне можно будет заняться орошением полей и построить дорогу до уезда Лань, чтобы товары из Синьфэна могли разойтись по всей округе. Но прежде всего Шаньцы должен был позаботиться о качестве соуса и масла.

На следующее утро, когда Лань проснулся, место рядом с ним уже опустело. Он и не заметил, во сколько вернулся муж, и не знал, когда тот ушёл в управу. В последнее время Шаньцы выглядел весьма бодрым.

У Лань и сегодня не было свободной минуты. Госпожа Чэн пригласила его любоваться хризантемами, и он понимал, что с этими людьми нужно держать ухо востро.

Цзинь Юнь принёс завтрак:

— Молодой господин, отведайте рыбной каши. Её сварили из того, что хозяин вчера наловил.

Юноша зачерпнул ложку — вкус был отменный.

— И много он наловил?

Цзинь Юнь улыбнулся:

— Вся его добыча здесь, в этой миске.

Лань молча посмотрел на свою кашу. Рыболов из Чжэна был никудышный.

В поместье Чэн его встретили слуги и проводили в сад. Стоило ему войти, как дамы и гэ'эры в пёстрых нарядах, подобно ярким бабочкам, защебетали вокруг:

— Ах, супруг начальника уезда! Вы наконец пришли!

Они окружили его, словно звёзды луну. Лань оглядывал их: одна — писаная красавица, другая — сама нежность, третья — холодная и величественная. Эти знатные особы и впрямь были похожи на цветы.

В столице красавиц хватало, но он редко оказывался в самой гуще такого внимания. Госпожа Чэн с улыбкой поднесла чашку:

— Прошу вас, отведайте чаю. Это «Маоцзянь», попробуйте, по вкусу ли вам?

Юный господин отхлебнул: послевкусие было сладким и свежим. Он сдержанно кивнул.

Всё было точь-в-точь как на столичных приемах: жёны собирали сплетни или присматривали невест и женихов для своих племянников. Глядя на осенние цветы, Ланьи вскоре заскучал.

— Скажите, господин Юй, привыкли ли вы уже к жизни в Синьфэне? — спросила госпожа Чэн.

— Вполне, — кратко ответил он. Он не собирался задерживаться здесь навсегда, а к погоде уже притерпелся.

— Вы уехали с господином Чжэном так далеко от дома... Родители наверняка места себе не находят от беспокойства. Смотрю на вас — вы ещё так юны, и сердце кровью обливается, как представляю своих детей на вашем месте.

Ланьи усмехнулся:

— Всё в порядке. У меня есть старший брат, он человек выдающийся и сильный. Отец тоже мастер воинских искусств, да и я сам за себя постоять сумею. Так что за меня переживать не стоит — лучше о других позаботьтесь.

Оказавшись в Синьфэне, он вспоминал отца и папу, но не тревожился о них. Старший брат Чансин был на страже. Каждые семь дней лекарь проверял их здоровье, а раз в месяц Юй Чансин приглашал самого главу Императорской медицинской академии. При таком присмотре любая хворь была бы замечена вовремя.

Отказавшись от настойчивых предложений госпожи Чэн остаться подольше, Ланьи ушёл. Скука одолевала его. Он заглянул в ювелирную лавку — хотел присмотреть подарки для братьев Шаньцы к их приезду.

Цзинь Юнь вздохнул.

«Ох и расточителен же наш молодой господин»

Он сразу понял: госпожа Чэн пыталась выведать тайны происхождения его хозяина, но

молодой господин либо и впрямь не понял намёков, либо просто промолчал. Это даже радовало.

— Как думаешь, подойдёт эта шпилька младшему брату Шаньцы? — спросил юноша.

Золотая, сияющая — она была вполне во вкусе самого Ланьи. Цзинь Юнь с сомнением произнёс:

— Возможно, брат господина любит что-то более скромное.

Юный господин подумал, но золотую шпильку не отложил. Впрочем, купил ещё и одну простую.

— Я в последнее время тоже немало потрудился, так что это золото будет мне наградой.

Он добавил к покупкам браслет для Циньиня и пять простых шпилек разного фасона. Потратившись таким образом, Ланьи полностью исчерпал деньги, полученные у счетовода на этот месяц. Больше брать было нельзя.

Он возвращался домой в прекрасном расположении духа.

Сегодня Шаньцы вернулся пораньше. Ван Фу нёс следом за ним корзину острого перца. Хозяин задумал приготовить соус, пока Ланьи не было дома. Тот, прознав про пастбища, полюбил после обеда ездить верхом, и гэ'эр Сюй часто составлял ему компанию.

Шаньцы решил сделать чесночный соус с чили. Перец вымыли, обсушили, удалили плодоножки и мелко порубили. Чеснок и имбирь тоже превратили в кашицу, добавили уксус, сахар и соль.

Чиновник любил острое и толк в соусах знал. Он уложил смесь в небольшие глиняные горшочки и плотно запечатал крышки — открыть их можно будет только через семь дней.

Ещё он приготовил соус с мясом — такой стоил бы дороже, но и хранился меньше. Туда же пошла бобовая паста из домашних запасов. Шаньцы добавил арахис, кунжут, вино...

Когда Ланьи вернулся, гэ'эр Сюй зашёл вместе с ним. Едва переступив порог, оба почувствовали дразнящий аромат.

— До ужина ещё далеко, кто это хозяйничает на кухне? — удивился Ланьи.

Слуга поклонился:

— Это господин, молодой господин.

В глазах Сюя промелькнуло удивление. Ланьи поспешил на кухню.

Шаньцы как раз закончил: горшочки с чесночным соусом, мясным и маслом чили были запечатаны. В воздухе всё ещё висел острый аромат перца.

— Что это ты затеял? — любопытно спросил Ланьи.

— Острый соус. Через неделю попробуешь. А это... — Шаньцы перевёл взгляд на гостя.

Сюй поспешно присел в поклоне:

— Приветствую вас, господин Чжэн. Я — Сюй-гэ'эр.

— Раз вы друг Ланьи, значит, и мой тоже, — приветливо кивнул Шаньцы. Выходя из кухни, он добавил: — Прошу простить, я отлучусь ненадолго. От меня всё ещё пахнет перцем, переоденусь и присоединюсь к вам.

— Не стоит беспокойства, господин Чжэн, — смущённо отозвался Сюй.

Ланьи проводил друга в главную палату.

— Есть ли что-то, чего ты не ешь? Я велю Цзинь Юню передать повару.

Сюй покачал головой:

— Я не привередлив.

— Вот и славно. Попробуй пока зизифус и гранаты.

Подали чай. С первого глотка Сюй понял, что сорт отменный. Глядя на яркого, уверенного Ланьи, он ещё раз убедился: этот гэ'эр вырос в неге и любви. Он опустил глаза. Шаньцы уже начальник уезда, а всё равно не гнушается заходить на кухню... Увиденное немало поразило гостя.

Шаньцы не мешал их беседе. Переодевшись, он словно исчез и появился только к ужину.

— Прощу прощения, дела в управе задержали, — мягко произнёс он.

Ланьи притворно надулся:

— Вечно ты в делах, совсем на меня времени не остаётся.

— Завтра у меня выходной, — пообещал муж, чувствуя вину.

За столом они не выказывали чувств напоказ, но стоило их взглядам встретиться, как оба смущённо отводили глаза, точь-в-точь как молодожёны.

Внук старого Чэна недавно женился, но его супруг держался совсем иначе — скромно, покорно, как и полагается добродетельному фулану. Гэ'эр Сюй невольно позавидовал Ланьи. После ужина он стал прощаться:

— Благодарю за гостеприимство, Ланьи, господин Чжэн. Мне пора домой.

Шаньцы велел заложить повозку, чтобы гостя отвезли с комфортом.

Ланьи, который при чужих людях старался держать себя чинно, стоило Сюю уйти, мгновенно расслабился:

— Шаньцы, я должен первым попробовать этот соус!

Муж рассмеялся:

— Конечно.

— Знаешь, а ты и впрямь выглядишь как настоящий важный чиновник, — юноша шутливо ущипнул мужа за руку.

Шаньцы лишь улыбнулся. Глаза Ланьи сияли. Он потянул его во двор:

— Смотри, какие яркие звёзды сегодня! Интересно, папа видит то же небо, что и мы? — тихо добавил он.

От этих слов сердце Шаньцы наполнилось нежностью. Он понял, что Ланьи тоскует по дому.

— Я слышал, к Новому году один генерал с границы поедет в столицу. Тесть с ним в дружбе, так что ты мог бы поехать вместе с ним, встретить праздник с родными. Можешь даже остаться

там насовсем, если захочешь... Главное, будь осторожен в пути.

Ланьи вспыхнул от этих слов:

— Это ещё что значит — «можешь остаться насовсем»? Ну и ну, совсем за языком не следишь! Не умеешь говорить — лучше молчи!

Он сердито уставился на мужа, а затем вдруг потянулся к нему и легонько прикусил его за ухо. Шаньцы испуганно огляделся — во дворе никого не было, но лицо его мгновенно залила краска:

— Ты... ты что творишь?!

— Неужто скажешь: «какое бесстыдство»? — вызывающе спросил Ланьи. — Я в эти сказки с детства не верю.

Глядя на него, Шаньцы ощутил, как внутри что-то обрывается. Свет из окон мягко ложился на них, выхватывая из темноты силуэты. Он перехватил руки юноши и прижал его к стволу гранатового дерева.

Дерево уже было «ограблено» Ланьи — все плоды пошли на сок. Он был настоящей соковыжималкой. От резкого толчка листва сухо зашуршала.

Шаньцы подложил ладонь под спину супруга, чтобы тот не ударился о кору. В неверном свете черты его лица казались резче.

Он склонился и поцеловал его. Его губы коснулись губ Ланьи — сначала лишь мимолётно, а затем он перешёл к шее, оставляя на ней горячие, обжигающие поцелуи.

Где-то за воротами всё ещё кричали торговцы, по крышам скреблись коты, и эти звуки лишь острее подчёркивали их близость. Было и волнительно, и невыносимо сладко.

<http://bllate.org/book/15809/1435286>